

вается и передъ послѣднимъ выводомъ изъ эмпиризма, и мы видимъ съ удивленіемъ, что его ясная мысль предвосвѣщаетъ и Юма. „Такъ какъ,—говорить Сарпи съ полной отчетливостью,—у насъ нѣтъ ни одного положенія, извѣстнаго намъ *ex natura intellectus*,—то все наше знаніе состоитъ *ex hypothesi et scientia consequentiarum*. Но даже и это слишкомъ! Ибо строгость самихъ слѣдствій нами получается не *ex natura intellectus*, а путемъ нашей дискурсивной способности вышесказаннымъ способомъ, т. е. гипотетически“.

Изъ этого краткаго очерка философіи Сарпи мы видимъ, что *in pace* въ Сарпи дается почти вся англійская философія новаго времени. Точку зрѣнія Сарпи можно назвать—*empirismus contractus*; а по отношенію ко всей философіи новаго времени Сарпи предвосхищаетъ рѣшительную подчеркнутость гносеологической проблемы, ибо вся его мысль занята вопросомъ о знаніи. Это вноситъ новую черту въ пониманіе философіи эпохи Возрожденія. Сарпи показываетъ, что абсолютный эмпиризмъ, какъ точка зрѣнія исключительной посюсторонности, родился въ *самой философіи* эпохи Возрожденія. Но всякій плодъ своими качествами разоблачаетъ скрытыя тенденціи и тайное вдохновеніе того процесса, результатомъ котораго онъ явился. Сарпи поэтому лишній разъ доказываетъ, что наэосомъ всей философіи эпохи Возрожденія былъ разрывъ съ потусторонностью и что новая философія, непосредственно примыкая къ Сарпи, является продолженіемъ и дальнѣйшей фазой этой трагической борьбы съ мистическимъ началомъ Средневѣковья.

В. Эрнъ.

III.

Кн. В. Ф. Одоевскій,—Русскія ночи. Подъ редакціей С. А. Цветнова, кн. Путь 1913 г.

Князь Владимиръ Федоровичъ Одоевскій (1803—1869)—русскій шеллингианецъ и русскій Гофманъ. Его значеніе въ исторіи русскаго самосознанія еще далеко не оцѣнено. Для своихъ современниковъ кн. Одоевскій былъ немного страннымъ, но „мыльмъ мудрецомъ“ (Грибоѣдовъ). Личность заслонила его сочиненія, и уже Бѣлинскій жаловался, что ихъ трудно найти.

Въ первый разъ полностью „Русскія ночи“ появились въ 1844 г. Подготовлялось новое изданіе, но за смертью кн. Одоевскаго оно не вышло. Какъ-бы воспроизведеніемъ этого новаго, второго изданія и является изданіе „Русскихъ ночей“ кн. „Путь“. Впервые напечатаны: вариантъ предисловія и примѣчаніе, написанные кн. Одоевскимъ для второго изданія; внесены въ текстъ и указаны въ примѣчаніи редактора поправки и дополненія въ I-омъ изданіи, сдѣланныя самимъ кн. Одоевскимъ. Они кое-что проясняютъ, не затрагивая совсѣмъ „духа“ перваго изданія. Наиболѣе значительной, но тоже не существенной, является переработка середины четвертой ночи—„Бала“.

Съ внѣшней стороны „Русскія ночи“ изданы превосходно. Обложка, шрифтъ, бумага подобраны подь стиль изд. 1844 г. Заголовное—„Кн. В. Ѳ. Одоевскій“, всѣ заголовки въ самой книгѣ фотографически воспроизведены изъ I-го изданія. По первому изданію—установлена ширина полей, точно измѣрено разстояніе заголовковъ и строкъ; оставлено такое же количество строкъ на страницѣ, какъ и въ I-омъ изд. и число самыхъ страницъ почти совпадаетъ.

Къ книгѣ приложенъ портретъ съ автографомъ; портретъ относится приблизительно къ періоду написанія „Русскихъ ночей“. Такое любовное, художественное переизданіе „Русскихъ ночей“—произведенія, непотерявшаго своей свѣжести и силы, имѣющаго неоспоримое историческое значеніе—является цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу русской культуры.

„Русскія ночи“ овѣяны чувствомъ тайны: тайны живого (Шеллингъ) и тайны чудеснаго (романтизмъ). Не стерта древняя надпись на статуѣ Изиды: „Никто еще не видалъ лица моего“. Но къ тайнѣ завѣтной человѣку „позволено приближаться“, ему позволено читать двѣ книги: „одна изъ нихъ называется природой, она напечатана довольно чистымъ шрифтомъ и на языкѣ довольно-понятномъ. Другая—человѣкъ, рукописная тетрадь, написанная на языкѣ мало-извѣстномъ и тѣмъ болѣе трудномъ, что еще не составлено для него ни словаря, ни грамматики“. Истина—во второй книгѣ; пока она не познана, нужно сличать обѣ книги, сличая—рас-

крывать истину. Какъ бы то ни было, у жизни есть языкъ, есть словарь, иначе говоря—есть какія-то сѣмена жизни, основныя категоріи жизни. Лишь ложь языка рождаетъ путаницу понятій, философскую разноголосицу. Является задача—найти слова, вполне выражающія идеи и тѣмъ самымъ „привести всѣ философскія мнѣнія къ одному знаменателю“, намекающему на какое то жизненное единство. Такимъ образомъ, есть основныя теченія жизни и отсюда—типы міровоззрѣнія. Въ „Русскихъ ночахъ“ запечатлѣны типы міровоззрѣній:—„Кондиллькпета“, причемъ философія Кондильяка воплощаетъ сущность позитивизма вообще, Шеллингянца и Мистика „въ струѣ русскаго духа“.

Кромѣ жизненности содержанія, самый методъ „Русскихъ ночей“—наслѣдіе Платона и романтиковъ—сохраняетъ въ нихъ вѣчно-юное, пробуждающее „святую тоску“ (Бѣлинскій). Если у жизни есть сѣмена, если въ человѣкѣ разгадка тайны, то цѣненъ живой человѣкъ, а не сотканныя имъ формулы, жизненна не драма мысли, а драма жизни человѣческой. „Русскія ночи“—какъ-бы проба новой драмы: въ нихъ запечатлѣвается „участъ общаго всему человѣчеству ощущенія, проявляющагося разнообразно въ историко-символическихъ 'лицахъ“. Дѣйствующія лица драмы—лица, а не слова: „цѣлою жизнью одинъ отвѣчаетъ на жизнь другого“. Предметъ драмы—„задача жизни, разумѣется, неразрѣшенная“.

Содержаніемъ и методомъ „Русскихъ ночей“, какъ „философіей жизни“ опредѣляется самая ихъ структура. Жизнь—въ глубинахъ души. Языкъ—кристаллъ логики зачастую искажаетъ самое дорогое: самую истину. Мы близки истинѣ вовсе не въ то время, когда совсѣмъ легко вызвать плотную вереницу силлогизмовъ, а лишь тогда,—когда мы просто, искренно говоримъ, говоримъ отъ души. Особенно ищущему истины вреденъ „систематизмъ“ (307). Система должна быть системой мыслей даннаго человѣка.

Отсюда, „Русскія ночи“ условно м. раздѣлить на двѣ части. Первая (ночи: 1—8)—задушевные рассказы, разговоры, невидимо питающіеся основною идеею—тайною жизни; это, выражаясь современнымъ философскимъ языкомъ, феноменологія сознанія. Вторая часть (эпилогъ)—логическія построенія, имѣющія въ виду первую часть; это—какъ бы логика

сознанія. Девятая ночь—переходъ отъ первой части ко второй.

Въ задушевныхъ разсказахъ—жизнь души съ ея перваго пробужденья. Есть мгновенье—вѣчность первой, робкой задумчивости, перваго философскаго удивленья: что такое жизнь? Что такое мы (*Ночь I*)? Душа начинаетъ чувствовать свое одиночество. Мірѣ, люди куда-то отодвигаются. Теряется значеніе словъ. Истина—непередается, а науки, искусства молчатъ. И душа не знаетъ: гдѣ умъ и гдѣ безуміе. „Мудрѣйшій умѣть стонать и плакать на кладбищѣ человѣческихъ мыслей“. А опустошенную душу все томить и томить неутоленная жажда истины (*Ночь II*). Предъ нею, и живое и мертвое, полнота и односторонность, красота и польза... Побѣждаетъ—смерть: красота изгнана пользой и „плачетъ человѣческое чувство о бесполезномъ“. Но нельзя убить бесполезныхъ порывовъ человѣка, „законопатить ихъ хлопчатой бумагой, залить дегтемъ и саломъ; они являются къ нему въ видѣ привидѣнія: тоски непонятной“ (*Ночь III*). Эта тоска когда-нибудь прорвется, разрушитъ столбцы цифръ и сооруженія логики: блеснетъ подлинная мысль, подлинное чувство—пусть даже предъ смертью („Бригадиръ“). И еще страшнѣе, если очнувшійся станетъ звать бѣснующихся въ чадѣ наслажденій страдальцевъ и зовъ его не услышится („Баль“, „Мститель“). Любовь кончается смертью („Насмѣшка мертвеца“): всякая земная любовь—неполна, мертва. Настигаетъ безуміе, если нѣтъ ощущенія „горняго“. Является Мессія отчаянія, близокъ конецъ („Послѣднее самоубійство“). Спасенье—возможно: оно въ еще—мерцающемъ религіозномъ чувствѣ (*Ночь IV*). И такъ, въ заботѣ только о матеріальномъ, въ торжествѣ цифръ и экономики—гибель, гибель отъ пренебреженія духовнымъ—полнотой жизни (*Ночь V*).

Что такое духовное, душа человѣка? „Ее нельзя обкроить по выдумкамъ ремесленниковъ, работающихъ инструменты, по правиламъ, которыя на досугъ изобрѣтаетъ засушенный мозгъ человѣка“. Она—творецъ жизни, въ ней открывается „завѣтная тайна“. Но есть тайна ночи, тьмы и тайна дня, свѣта. Мистика ночи—мистика „больной“ души. И оттого нѣтъ вѣчной ночи—„каждую минуту есть разсвѣтъ на земномъ шарѣ, чтобъ каждую минуту часть его обитателей,

какъ очередной часовой возставала на стражу“ Солнце— „союзникъ“ души бодрить сердце. Кто не чувствуетъ тайны ночи, тотъ во власти Люцифера. „Мистики говорятъ, что онъ (Люциферъ) больше всего знакомъ съ тѣми, которые его не знаютъ“. „У враждебной силы двѣ глубокія, хитрыя мысли: первая—она старается всѣми силами увѣрить человѣка, что она не существуетъ и потому внушаетъ человѣку всѣ возможныя средства забыть о ней, а вторая—сроднить людей между собою какъ можно ближе, такъ сплотить ихъ, чтобы не могла выставиться ни одна голова, ни одно сердце“. Въ каждой душѣ и ночь и день, и тьма и солнце. Въ душѣ—борьба до смерти. „Смерть души! какъ страшна, какъ жива эта смерть“. Еще глубиннѣе чуткая душа художника и еще мучительнѣе невоплощенность, несказанность самого святого, самого таинственнаго („Послѣдній квартетъ Бетховена“. *Ночь VI*). И невѣдомо—гдѣ начало смерти. Вѣдь, душа, особенно душа художника „питается“ природою; вѣдь, губельно всякое не органическое претвореніе природы. Станетъ смертельнымъ искреннѣйшее желаніе: „все знать, все видѣть, все понимать“ („Импровизаторъ“, *Ночь VII*), потому что таинства гармоніи—„далеко, далеко въ душѣ человѣка“, воплощеніе ихъ во власти Бога. Таинства гармоніи передаются языкомъ искусства и самый высшій языкъ, языкъ невыразимаго—музыка. Она „переноситъ насъ въ первую невинную колыбель перваго невиннаго человѣка“. Она рождается душой, погруженной въ „тихую, безмолвную молитву“ („Себастьянъ Бахъ“, *Ночь VIII*).

Таковы пути души человѣческой: тоска по жизни выводитъ ее изъ обморочнаго состоянія, ведетъ ее на распутіа житейскія, сбрасываетъ видимыя красоты съ односторонней, неполной жизни, томитъ непонятнымъ желаніемъ,—пока не приведетъ чрезъ сознаніе смерти къ тихой молитвѣ, проясняющей неизрѣченную тайну, открывающей полноту жизни.

Таково содержаніе искреннихъ рассказовъ, такова феноменологія человѣческаго сознанія.

Неполнота, односторонность жизни рождаетъ лѣзь мысли, запечатлѣнной въ языкѣ. Какъ бы ни остры и ни цѣпни были мысли—остается тайна жизни. Чистая мысль безпомощна даже въ познаніи самаго обычнаго, самаго очевиднаго. Она—оставленная наединѣ, убѣгаетъ въ безконечность:

не знаетъ съ чего начать, не можетъ начать. Истина въ вѣрѣ, или чувствѣ, а не въ мысли. Мысль—словами всегда измѣнчивыми, то драгоценными, какъ бы зернистыми, то безцѣнными, пустыми—затемняетъ познаніе жизни. Слово и рождаетъ и умерщвляетъ жизнь. Оно—загадка къ чему-то влекущая, побуждающая нашу мысль. Поэтому необходимо выяснитъ — откуда знаніе, выяснитъ „процессъ выраженія мыслей“. Безъ этого нѣтъ знанія, философіи, и. что идея и слово не равны, всегда есть остатокъ, благодаря ихъ частичной тождественности. Задача философіи, науки наукъ бороться съ лживостью словъ, устранить нетождественный остатокъ; иначе говоря, — сознать односторонность, неполноту науки, какъ системы силлогизмовъ, науки о внѣшнемъ, матеріальномъ. Поскольку полнота жизни въ душѣ человѣка, въ духовномъ—должна быть наука о внутреннемъ чувствѣ, ведущая къ „интегрированію духа, къ увеличенію его самобытной дѣятельности“. Пока нѣтъ полноты жизни, общечеловѣческой науки, — „каждый человѣкъ долженъ образовать свою науку изъ существа своего индивидуальнаго духа“. Намеки на нее скорѣе въ эстетическомъ созерцаніи, въ интуиціи, чѣмъ въ логическомъ построеніи (*Ночь IX*). Какъ жизни, истекающей во внѣшнее грозитъ смерть, такъ и наука о немъ, логика матеріи—недолговѣчна; потому что въ предѣлѣ сплошь механична. Наука о внутренемъ чувствѣ, логика духа—вѣчна, въ предѣлѣ—органична.

Логика человѣческаго сознанія находитъ свое осуществленіе въ исторіи, потому что еще нѣтъ полноты жизни, нѣтъ общечеловѣческой науки. Гдѣ полнота? Кто творецъ новой науки? Современное сознаніе увязло въ матеріальномъ: мертвая жизнь и мертвая наука... Все—раздроблено, безцѣнно. Въ душѣ—пустота и ужасное чувство: есть желанье куда-то уйти и нѣтъ исхода. „Горькое, страшное зрѣлище! Мнѣніе противъ мнѣнія, власть противъ власти, престоль противъ престола и вокругъ сего раздора—убійственное равнодушіе“. Наука погибаетъ. Искусство погибаетъ. Религіозное чувство погибаетъ. „Осмѣлимся же выговорить слово, которое можетъ быть теперь многимъ покажется страннымъ, а чрезъ нѣсколько времени слишкомъ простымъ: Западъ гибнетъ“. Обновленіе тѣла и души Европы—должно прийти съ Востока. „XIX вѣкъ принадлежитъ Россіи“. Во „всеобъем-

лющей многосторонности духа“ Славянина родится не лживое слово, истинная наука, которая сохранитъ въ себѣ все цѣнное гибнущаго Запада (*Эпилогъ*).

Мы отмѣтили основныя идеи „Русскихъ ночей“. Исканье полноты жизни и постиженія тайны заканчивается свѣтлой надеждой: молодой народъ скажетъ чистое слово. Такъ судьбы индивидуальной души сплетаются съ судьбами души народа.

Судьбы души, запечатлѣнныя художественными символами, придаютъ „Русскимъ ночамъ“ неумирающее значеніе. Правда, иногда скользнуть дидактической тонъ и символы огрубляются схемами, — все-таки чувствуется философскій эросъ, пробуждающій какія-то дремлющія желанія, взлеты души. И если, обнажая скелетъ жизни, сводимой только къ цифрамъ и экономикѣ—Одоевскій имѣлъ въ виду Мальтуса, Адама Смита, а не близкихъ знакомцевъ нашего времени—Маркса и Энгельса, то самая идея остается той же лишь съ незначительными, не разрушающими символа подробностями. „Русскія ночи“ пріобрѣтаютъ особенное значеніе, какъ *русскія* ночи. Въ нихъ то же, чѣмъ волновались славянофилы: поиски живой личности съ вѣрою въ особое національное предназначеніе. Эти идеи не умерли. Свидѣтели — не только Достоевскій, Вл. Соловьевъ, но и нео-славянофильство. Вѣдь, въ наше время еще обнаженнѣе предстала предъ собою душа человѣческая и душа народная, еще мучительнѣе разѣдающій ядъ сомнѣній, мучительнѣе раздробленность, пришибленность жизни. И философія не хочетъ быть логикой наукъ о природѣ, она хочетъ стать философіей жизни; а послѣ „философіи конца“ Вл. С. Соловьева и Е. Н. Трубецкого („Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева“ М. 1913, тт. I и II) поднимается тотъ же вопросъ: Западъ или Востокъ, и въ болѣе опредѣленной формѣ: возможна ли русская философія и какъ она возможна (*Вл. Ф. Эрнъ, Природа мысли—„Бог. Вѣст.“* Май, 1913 г.)?

Помимо общечеловѣческаго и современнаго значенія — „Русскія ночи“ имѣютъ неоспоримое историческое значеніе. Остаются въ силѣ слова самого В. О. Одоевскаго: въ „Русскихъ ночахъ“ — „читатель найдетъ довольно вѣрную картину той умственной дѣятельности, которой предавалась московская молодежь 20 и 30-хъ годовъ, о чемъ почти не

сохранилось другихъ свѣдѣній. Между тѣмъ эта эпоха имѣла свое значеніе..... много, много выговореннаго. нынѣ, и прямо, и вкривь, и вкось, даже недавній Славянофилизмъ, все это уже шевелилось въ эту эпоху, какъ развивающійся зародышъ“.

Начало нашего вѣка внутренне-родственно началу XIX вѣка. Эта родственность создаетъ почти тождественныя формы жизни и мысли. „Русскія ночи“ могли бы появиться въ наше время: въ языкѣ, даже въ отдѣльно-взятыхъ выраженіяхъ не чувствуется устарѣлости. „Русскія ночи“—*замѣчательно-современная* книга.

С. Голованенко.
